

Леонид Антипов пишет стихи уже более десяти лет, но с дебютной книгой «За синие леса...» (Екатеринбург, «АсПур», 2021) торопиться не стал, дал стихам «настояться» на «почве и судьбе», обеспечил им необходимую «выдержку», жизненную прочность высказывания.

Моё внимание этот поэт обратил на себя давно. В небольшом вступительном слове к его подборке, вышедшей в 2013 году в антологии молодой поэзии Екатеринбурга «20:30» мне уже доводилось отмечать «лица необщее выражение» антиповской поэзии: «Это лирика тихого, углублённого, медитативного уединения, где апелляция к классической традиции обогащается свойственными модернистской поэтике неожиданными образно-смысловыми сдвигами, штриховой прерывистостью и алогичностью развёртывания стиховой ткани».

Эти слова вполне уместно повторить и по отношению к дозревшей до своего часа книге. Внутри исполненной светлой меланхолии и тяготеющей к классической пушкинской традиции элегической интонации Антипова происходит немало любопытных модернистских, по существу своему, экспериментов: расшатывание ритма и синтаксиса, способствующее разговорной естественности поэтической речи, анжамбеманы (при их постоянстве удивительным образом практически «не пахнущие» Бродским), монтаж, смешение различных лексических и жанровых (от плача до притчи) пластов и образных систем, разной степени «замаскированности» интертекстуальность и так далее. Такая «прозаизация» стиха, соединяясь с традиционной поэтичностью многих образов (зима, весна, природные реалии, русский простор и др.),

даёт интересный и парадоксальный эффект, ощутимо индивидуализирует стиль.

В одном из стихотворений поэт сам – ласково, «по-домашнему» – называет своих поэтических предшественников: Серёга Есенин, Володя Высоцкий, Саша Пушкин, Миша Лермонтов. Действительно, в своих стихах Антипьев стремится воссоздать «мир таинственный, мир... древний» (Есенин), «великую да сказочную... солоно- да горько-кисло-сладкую, голубую, родниковую, ржаную» (Высоцкий) страну, увидеть её «за синими лесами» памяти.

Этот знаменательный ряд классиков, однако, необходимо дополнить именем непосредственного поэтического учителя Антипьева – Юрия Казарина. Влияние его (не сковывающее, но благотворное, способствующее росту) в книге очевидно: так, явно из стихов Казарина залетели в стихи Антипьева снегири, да и «синицы в ледяных руках» мгновенно отзываются в памяти казаринскими «ледяными соловьями без оперения и кожи», а неозримые пространства Руси-России заставляют вспомнить «огород с простором на Сибирь». Таких частных переключек в книге много, но казаринские нотки не подминают под себя крепнувший голос Антипьева, а, напротив, только обогащают и утончают модуляции этого голоса.

От Казарина и общая натурфилософская одухотворённость антипьевского лирического мироздания. Здесь всё живо, всё дышит и всё способно становиться всем, а дело поэта – постараться уловить и зафиксировать неуловимые моменты этих таинственных и глубинных метаморфоз («слово-облако», «слово-рябина»). Поэтому и пространство этой поэзии часто характеризуется размытостью, загадочностью, а происходящее в нём подчиняется «наоборотной» сказочной, сновидческой, поэтической, в конце концов, логике. Земное, «дольнее» тут

существует не само по себе, но в виде указания на мир «горный», где и сплетаются стихотворные строки. Поэтому ничего удивительного, что в этом пространстве бесконечных переходов, мерцаний, превращений «*дети... небо кушают горстями*», «*плачет живой человек неживыми слезами*», «*женское сердце стучит у мужика в ребре*». Однако этот сказочный мир имеет и вполне отчётливую географическую прописку – это родной для Антипьева Урал, чья суровая земля предельно насыщена мифологией («*Старый, хромой Тагил кушает колбасу*»). При этом на чисто уральскую мифопоэтику Антипьев накладывает общефольклорные сюжеты и мотивы, отчего и смысл стихов, и их просодия становятся более гулками.

Кстати, о просодии. Очень любопытна работа Леонида Антипьева с неточной, порой колеблющейся на грани исчезновения рифмой, которая у него является не показателем недостатка версификационных навыков, но осознанным приёмом, создающим эффект неожиданности, удивляющим читателя. Рифмоиды типа «повара – никогда» или «тени – время» формально поддерживают упомянутое выше сонно-сказочное «размывание» стихового пространства, добавляют стихам внутренней мелодичности (особо отмечу в этом отношении стихотворение «Собирал в саду падшие листья», одно из ключевых в книге) и обостряют ощущение хрупкости создаваемого в них мира.

Лирический герой Антипьева находится между «болью» и «Богом». Именно «боль – Бог» становится сквозной смыслообразующей «рифмой» для всей книги: их движение навстречу друг другу и осознание их изначальной неразделимости составляют глубинный сюжет стихов. Об источнике этой боли в своё время хорошо сказал Юрий Кузнецов: «Но русскому сердцу везде одиноко.../ И поле широко, и небо высоко». Прекрасный и страш-

ный русский простор, в котором «прописан» лирический герой, порой бывает невыносим – до пастернаковского перехлёста горла и перехвата дыхания (и здесь Антипьев оправданно не стесняется пафоса). Но этот же простор и спасителен («так много, так много простора!»), растворённый в нём Бог (пусть даже и носящий «серое имя») наполняет эту пустоту животворным смыслом. Ведь боль – это ещё и память, в частности память рода (не случайно поэт посвящает книгу своему деду), «всё, что есть у тебя в крови».

Ещё по пушкинскому «Пророку» мы помним, что поэтическое ремесло неотделимо от страдания, и у Антипьева об этом говорится прямо: «тупая стиховья боль», «слово болит в гортани», «больно сердцу, больно – так болят стихи», но при этом «и выдохнуть больно, и говорить сладко». Именно боль обуславливает сверхчуткость поэта, позволяющую ему «перепутывать смыслы слов» и слышать, например, как «на безмятежной глади пруда крепчает льдина в тишине».

На протяжении книги всё более крепнет в стихах сюжетное, нарративное начало. Кажется, Леонид Антипьев медленно, но верно разворачивается от элегии к балладе, и поворот этот потенциально крайне интересен. Впрочем, эти догадки подтвердят или опровергнут новые стихи поэта. А пока можно констатировать, что на и без того небедной талантами поэтической карте Екатеринбурга появилась новая действенная творческая единица.